

Свет новых воспрять лучей  
Всей правдой Павлу послужите  
Законом Царства .... дорожите!  
А та каму вручили Трон  
Будь новой в мире Саламон.

<sup>1</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 146. л. 55–58. Текст стихотворения писарский, подпись (на заглавном листе) — автограф.



Князь А.Б. Куракин  
— переводчик Фонвизина





Здесь мы обратимся к новым, и, как следует из заглавия, совершенно неизвестным ранее обстоятельствам, которые интересны для биографии нашего князя, но прежде всего, конечно, для биографии Дениса Ивановича Фонвизина.

Произведение, о котором пойдет речь, — «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина». Это сочинение Фонвизина, чье литературное наследие вообще изучено не слишком детально, является одним из наиболее запутанных в текстологическом отношении творений писателя.

Сперва постараемся очертить круг известных об этом сочинении сведений.

В 1784 году из печати вышла книга «*Precis historique de la vie du comte Nikita Iwanowitsch de Panin*» с выходными данными «*A Londres 1784*» (28 р., 8<sup>o</sup>)<sup>1</sup>, а два года спустя — в четвертой книжке издаваемого Ф. О. Туманским и П. И. Богдановичем еженедельного петербургского журнала «Зеркало света» от 28 февраля 1786 года был

напечатан русский текст, озаглавленный «Сокращенное описание жизни Графа Никиты Ивановича Панина» (в разделе «Разные статьи» на с. 73–89). В том же году последовало и отдельное издание<sup>2</sup>, повторенное затем в 1787<sup>3</sup> и 1792<sup>4</sup> годах. А после смерти сатирика это произведение было включено П. П. Бекетовым в четвертую часть его полного собрания сочинений, которая была издана в Москве в 1830 году<sup>5</sup>.

Не было бы ничего странного, если бы на проверку все предыдущие русские издания, совпадающие между собой по тексту, не имели значительных отличий с текстом 1830 года. Это обстоятельство породило массу версий и предположений, часть которых со временем переросла в утверждения, а другая часть, причем более здравых, была отнесена к разряду небывлиц.

По поводу французского издания текста среди многочисленных библиографов и исследователей сомнений не имеется: оно единогласно считается несомненным произведением Д. И. Фонвизина. Но вот русские издания, а точнее говоря вопиющее их различие, породили множество мнений:

Во объяснение этой несообразности в 1848 году П. А. Вяземский писал: «Нам сказывали за верное, что автор написал эту «Жизнь» первоначально на французском языке. Читая ее в рукописи одному из своих приятелей, заметившему неверность в какой-то подробности, он сказал ему, что тут неверность умышленная, дабы приписали это сочинение иностранцу. Достоверно то, что сей биографический отрывок в первый раз показался в печати на французском языке; переведенный с него, он напечатан в 1787 году Иваном Ивановичем Дмитриевым, не знавшим, что он переводчик Фон-Визина; а авто-перевод, напечатанный ныне, отыскан уже после в бумагах покойного Фон-Визина»<sup>6</sup>.

М. Н. Лонгинов — видный библиограф и комментатор дмитриевского «Взгляда на мою жизнь» — включил жизнеописание графа Панина в составленный им список сочинений И. И. Дмитриева<sup>7</sup>.

Авторитетный же наш редактор и библиограф П. А. Ефремов, издавая в 1866 году сочинения Фонвизина, писал по этому поводу, что «...русский текст принадлежал самому Фонвизину и что пущенное

в нашу литературу известие, будто И. И. Дмитриев, не зная о существовании русского подлинника, перевел Жизнь гр. Панина с французского издания, принадлежит к числу басен»<sup>8</sup>.

Академик Н. С. Тихонравов, сделавший для изучения и розыска сочинений Фонвизина едва ли не более всех остальных, скончался, не успев издать задуманного полного собрания его сочинений. Относительно интересующего нас произведения он писал: «В издании сочинений Фонвизина (ред. г. Ефремовым) напечатан сокращенный перевод этой брошюры, сделанный И. И. Дмитриевым, а неполный русский текст Фонвизина, изданный Бекетовым, устранен. Это сочинение может быть отнесено и ко второму отделу моего сборника <Неизданные произведения или не вошедшие в прежние издания — П. Д.>, потому что во французском тексте не вошло ни в одно издание сочинений Фонвизина»<sup>9</sup>.

Объяснить сложившуюся несообразность пытались многие. Например, Г. П. Макогоненко посвятил этому несколько страниц: «Написав «Жизнь Н. И. Панина», Фонвизин должен был искать возможности ее опубликования (конечно, анонимно). Это удалось сделать, но несколько неожиданным образом. Новое сочинение появилось в Петербурге в 1784 году в переводе на французский язык. Обстоятельства публикации французского текста нам неизвестны. Во всяком случае, видимо уже тогда писатель испытал трудности и оказался вынужденным произвести некоторые сокращения <...> \*В 1830 году П. П. Бекетов, издавая собрание сочинений Фонвизина, напечатал «Жизнь графа Н. И. Панина» по оригиналу, восстановив пропуски, бывшие в публикациях XVIII века. В феврале 1786 года русский текст этого сочинения был опубликован в журнале Ф. О. Туманского «Зеркало света». Впоследствии вышло еще несколько отдельных изданий «Жизни Н. И. Панина». Объяснить это можно, пожалуй, тем, что Фонвизину удалось сохранить полную анонимность»<sup>10</sup>.

Двумя годами раньше тот же исследователь, сравнивая опубликованную Бекетовым рукопись с печатными изданиями, писал: «Рукопись значительно полнее печатного текста. Отличается она

и стилистически. Публикации Туманского и в последующем Богдановича проходили при жизни Фонвизина и явно при его согласии. Значит, этот текст исходил от него. Может быть, дошедший до Бекетова автограф есть первоначальный вариант, который Фонвизин затем переработал для печати. Во всяком случае, в нашем распоряжении имеются два отличающиеся друг от друга текста, контаминировать которые нельзя. В нашем собрании воспроизводится текст, известный читателям XVIII века по последнему прижизненному изданию 1792 года<sup>11</sup>. П. А. Ефремов, напротив, не обратил внимания на явные различия двух русских публикаций: «Текст этот <в Зеркале Света — П. Д.> отличается от сохранившейся части рукописи Фон-Визина сокращением некоторых подробностей, которые Фон-Визин, вероятно, счел тогда несвоевременным для печати и исключил при переводе рукописи на французский язык и при печатании русского текста»<sup>12</sup>.

Отнюдь не прояснило ситуацию и опубликованное в 1966 году письмо П. И. Богдановича к князю Алексею Борисовичу Куракину, брату нашего князя, от 1 июня 1797 года: «...Граф Никита Иванович, дядя ваш, был муж великий душою и саном. Денис Фон-Визин, хранивший по смерти свою ко мне дружбу и оставивший для издания мне все свои творения и переводы, изобразил в кратких чертах житие его. Я печатал оное неоднократно на отечественном языке...»<sup>13</sup>.

В последнем труде, посвященном биографии писателя, который был написан А. Стричком и переведен на русский язык, автор также не нашел ответа: «Таинственность эта объясняется тем, что публикация жизнеописания была очень смелым шагом. Ведь это настоящий политико-философский манифест. Можно только удивляться, почему биографы придают ему так мало значения. Фонвизин хотел прежде всего отомстить Екатерине и ее приспешникам за нанесение Никите Панину обиды <...> Наконец, анализ русского оригинала показывает, что у Фонвизина есть и другие идеи: жизнеописание заканчивается словом «Павел», как будто для того, чтобы показать, что труд одобрен и подписан самим великим князем. <...> В заключение работы автор цитирует письмо Павла к митрополиту Платону, в котором наследник говорит о своей скорби по поводу смерти выдающегося государствен-

ного деятеля. <...> И наконец отметим, что галлофоб Фонвизин стал франкоязычным автором. Свободное владение французским свидетельствует о глубокой языковой культуре нашего автора, его произведение (ставшее ныне библиографической редкостью) не портит собранную Национальной Библиотекой Франции коллекцию жизнеописаний. Словарь Фонвизина богат, и наш автор абсолютно точно знает значение каждого слова. Если мы и замечаем иногда некоторую тяжеловесность, это не уменьшает нашего восхищения — ведь французский был для нашего москвича всего лишь «вторым иностранным». Еще одно доказательство, что в России отнюдь не легкомысленно относятся к языку Корнеля, Расина и Мольера»<sup>14</sup>.

В первую очередь попытаемся поколебать единственную в этой истории твердь, остававшуюся более двухсот лет незыблемой, — несомненное авторство французского текста жизнеописания. Как будет показано ниже, это отнюдь не аксиома.

В 1896 году в примечаниях к шестому тому Архива князя Ф. А. Куракина (АКК, VI. С. 471) появились строки, ни разу, кажется, не цитировавшиеся в обширной литературе вопроса. Они суть: «*Precis historique de la vie du comte Nikita Ivanovitch de Panine. A Londres, 1784. 16<sup>o</sup>, 28p.* Что брошюра эта, на коей фамилии автора не обозначено, принадлежит перу кн. Александра Бор., видно из черновой рукописи, хранящейся в Надеждинском архиве кн. Ф. А. Куракина». Это примечание В. Н. Смольянинова, конечно же, курьезно, но все-таки крайне важно, поскольку рождает у любого читателя неизбежный вопрос: «Кто же, в конце концов, написал эту многострадальную книгу?» Этот вопрос мы не могли разрешить до того, пока не нашли упоминаемые далее материалы.

В 1018 томе рукописей куракинского архива, озаглавленном «*Varia*», в который в конце XIX столетия были переплетены разрозненные материалы нашего князя Куракина, хранятся и французский печатный текст, и рукопись.

Печатный экземпляр (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1018. Л. 94–103) в превосходной сохранности, заключен в обертку из мрамор-

ной бумаги европейского производства (по типу немецкого или голландского). Отпечатан на лучшей, по сравнению с другими виденными нами экземплярами, бумаге. На титульном листе в нижней части надпись чернилами рукою князя А. Б. Куракина: «Получил в Судогде, близ Володимера, 29<sup>го</sup> июня, 1784». Таким образом книга, очевидно, была напечатана в конце весны 1784 года, и князь получил ее в уездном городе Судогде Владимирского наместничества по дороге из Петербурга в свои саратовские вотчины.

Рукопись (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1018. Л. 108–117) — беловая, в лист, рукою князя Александра Борисовича. Заглавие на первом листе: «Note historique de la Vie du Comte Nikita Iwanowitsch de Panin». Рукопись прекрасной сохранности, имеет следы перегибов (вероятно она подвергалась пересылке), но явно не наборная, поскольку не запачкана руками наборщиков. Очевидно, она была возвращена князю одновременно с присылкою опубликованного перевода. При сличении печатного и рукописного текстов нами найдены мелкие разночтения, но их крайне мало, в основном они касаются акцентов текста — слов с прописными буквами в начале или знаков препинания.

Внизу заглавного листа рукописи карандашная надпись по-французски рукою князя Александра Борисовича, которая дает ответ на все накопившиеся у нас вопросы: «Traduction que j'ai faite, en 1784», то есть «Перевод, который я сделал в 1784».

Таким образом, князь Александр Борисович явился переводчиком Фонвизина. С чего бы писателю привлекать переводчика? На этот вопрос ответить затруднительно, отметим лишь, что князь Александр Борисович знал французский не только свободно, а просто блестяще; в этом он превосходил и своего брата князя Алексея Борисовича, да и всех представителей колонии русских аристократов, обучавшихся в середине 1770-х годов в Лейденском университете — князя Н. Б. Юсупова, графов Н. П. Румянцова, Н. П. Шереметева и других. Немецким языком он также владел в совершенстве.

Думается, что перевести сочинение Фонвизина было желанием самого князя Александра Борисовича, исключительно из чувств благодарной памяти своему «второму отцу», а Денис Иванович трудам князя

не препятствовал, потому как никакого вреда от этого и быть не могло. Напротив, этот в прямом смысле совместный труд князя Куракина и Фонвизина есть самое верное доказательство их близости, основанной на почти родительском отношении к ним со стороны покойного графа Никиты Ивановича Панина.

Также ввиду существования такого вопроса, скажем немного о месте печатания французского издания: П. А. Ефремов утверждал что будто бы оно отпечатано в Петербурге<sup>15</sup>; не усомнился в этом и Г. П. Макогоненко<sup>16</sup>; но в 1966 году это было опровергнуто в Сводном каталоге, поскольку шрифты и виньеты, использованные в книге, не характерны для русских типографий этого времени<sup>17</sup>. Исследователь Стричек по этому поводу делает заявление, представляющееся нам странноватым: «Лондон — читаем мы на одних экземплярах, Париж — на других...»<sup>18</sup>. — Нам не известно ни одного экземпляра ни в одной крупной библиотеке России и Европы, где бы в выходных данных был указан Париж.

Однако с П. А. Ефремовым, кажется, нельзя не согласиться в том, что место издания вымышленное. Думается, если князь только в 1784 году закончил перевод, то такая скорость печатания, а более всего перевозки, да еще и морем, по меньшей мере, сомнительна. Вместе с тем эта книга явно напечатана не во Франции, в пользу чего говорит хотя бы то, что на титульном листе в слове *Précis* отсутствует аксент над буквой *e*, а фамилия графа начертана без такой же буквы в конце. Это, конечно же, не Россия, потому как если бы легко можно было напечатать ее здесь на французском языке, то наверное она бы вышла тогда же на русском.

Возможно родиной этого издания стоит считать Германию или Север Европы — скорее всего, столицу Дании Копенгаген. Кроме того, что князь с конца 1766 года жил в Копенгагене и неплохо был знаком с этой страной, во время издания книги российским чрезвычайным посланником и полномочным министром там был барон Карл Иванович Остен-Сакен — многолетний друг и корреспондент князя Александра Борисовича, а также бывший воспитатель при Павле Петровиче.

Обстоятельство куракинского перевода дает нам повод обратиться к русскому тексту, поскольку, если французский текст принадле-

жит не Фонвизину, а князю Куракину, то должно же было остаться что-то от автора? Для этого стоит посмотреть варианты русского текста.

К любопытным результатам привела нас неожиданно простая сверка текста первой публикации в Зеркале Света (которая во всех изданиях XVIII века была повторена слово в слово) и тома бекетовского собрания.

В 1830 году текст публиковался по автографу Фонвизина, однако первого листа в этой рукописи не хватало, а потому издатели решили восстановить недостающий текст (он заканчивается перед словами: «а в 1767 году благоволила почтить его графским достоинством») по печатному изданию. Это обстоятельство было отмечено издателями в сноске: «В сем сочинении, писанном рукою самого Автора, недостает одного листа, заключающего в себе начало. Издатели, для сохранения оному полноты, решились недостаток сей пополнить извлечением из книги: Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина, (Спб, 1787, у Гека)».<sup>19</sup>

Потому читатель, который хотел бы сравнить два варианта, натискался везде на одно и то же начало, а, даже зная об уведомлении издателей, многие успокаивались, видя одни и те же первые строки жизнеописания.

Если сравнить два русских текста, даже не думая об авторе французского варианта, можно выяснить больше того, что цитировалось выше. И отличие языка — а в бекетовском издании он более простой, живой и легкий, лишенный типичных казенных «художественных» штампов — не самое основное обстоятельство, хотя и важное. Сразу видно, что это переработка текста, причем в нашем случае вполне очевидно, что все печатные переиздания — перевод с французского.

Удивительно, что многие исследователи, которые, надо полагать, владели этим языком явно лучше автора этих строк, не усмотрели главного: такое же в точности деление на абзацы, даже допущенная во французском издании ошибка, когда датой учреждения ордена св. Владимира означен 1783 год, кочует из одного русского издания в другое, тогда как в бекетовском издании подлинной фонвизинской рукописи, естественно, стоит правильный 1782.

Конечно, были и цензурные изъятия в русском тексте, но они не суть главное, и мы их коснемся после. Сперва для наглядности мы воспроизведем три варианта текста — А. французский (по единственному изданию), Б. прижизненный русский (по первому изданию в Зеркале света) и В. русский бекетовский (по первому его изданию в четвертой части собрания):

А: «C'est avec la plus grande application, & pour ainsi dire avec une application égale aux soins pour la conservation de Son Altesse Impériale, que le Gouverneur doit veiller, & ne pas permettre qu'il se fasse & se dise rien qui puisse même soiblement altérer & pervertir les dispositions de son coeur aux vertus innées de l'homme» (Р.17).

Б: «Наставник с величайшим рачением и так сказать равным тому, каковое будет прилагать о сохранении Его Императорского Высочества, должен наблюдать, дабы ничего такого пред Ним неделали и неговорили, что могло бы хотя малейшим образом повредить и ослабить сердца Его разположение к добродетелям» (С. 82).

В: «Воспитатель должен с крайним прилежанием, и так сказать, равно с попечением о сохранении здоровья Его Императорского Высочества, предостерегать и не допускать ни делом, ни словами ничего такого, что хотя мало бы могло развратить те душевные способности к добродетелям, с которыми человек на свет происходит...» (С. 11).

Или:

А: «Le caractère du Comte de Panin indigne du respect & de l'amour les plus sincères...» (Р. 21).

Б: «Нрав Графа Панина достоин был искреннего почтения и не притворной любви;...» (С. 85).

В: «Характер покойного Графа Никиты Ивановича достоин был искреннейшего почтения и любви» (С. 15).

Иногда переводчик подпускал в русский текст официоза, как, например, в случае с уже упоминавшимся награждением орденом:

А: «& retut l'ordre de St. Wolodimir, lors de sa fondation en 1783» (Р.10).

Б: «а в 1783 году удостоен Ордена Святого Равноапостольного князя Владимира первой степени в самый день учреждения онаго» (С. 78).

В: «В 1782 году получил орден Святого Владимира при самом его установлении» (С. 6).

Таким образом можно прийти к выводу, что основной авторский текст — бекетовский, с него князем Куракиным был сделан перевод на французский, а с этого перевода был уже выполнен И. И. Дмитриевым (нет причин не доверять рассказу князя Вяземского) обратный перевод, который и публиковался многократно. Так мы и будем с настоящего момента именовать три этих текста: авторский, куракинский и дмитриевский.

Дополнительным доказательством того, что перевод был сделан Дмитриевым служит и то, что активное участие его в 1786 году в журнале «Зеркало света» является общеизвестным фактом (СРП, 1. С. 270).

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) — известный русский поэт, не был далек от семьи князей Куракиных. Он входил в столичный литературно-музыкальный кружок, образовавшийся вокруг княгини Наталии Ивановны Куракиной (1766–1831) — жены князя Алексея Борисовича, которая прекрасно пела, да и вообще была весьма даровитой особой. У нее в гостях, кроме И. И. Дмитриева, посвятившего ей ряд своих стихотворений, часто бывал С. Н. Марин, писавший для нее тексты романсов, князь П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин и другие. Прекрасным отголоском этого кружка является хранящийся среди куракинских бумаг Альбом княгини Наталии Ивановны<sup>20</sup>, в который И. И. Дмитриев вписал несколько своих стихотворений.

Приведем четверостишие Дмитриева из этого альбома, адресованное княгине Наталии Ивановне<sup>21</sup>:

Что пред соперницей Эраты наше пенье?  
Она лишь голосом находит путь к сердцам!

Я лиру положу Куракиной к ногам,  
И буду сам внимать в безмолвном восхищенье.

Также известно, что И. И. Дмитриев, будучи по сенатской службе в подчинении у князя Алексея Борисовича, состоял в переписке с ним<sup>22</sup>.

Но вернемся к жизнеописанию.

Стоит сказать, что, конечно, эти тексты не полностью повторяют друг друга — ведь тогда бы это было заметно сразу и нам было бы нечего объяснять. Есть некоторые интересные особенности, на которые мы хотели бы обратить особенное внимание.

Сперва скажем об уже упоминавшихся цензурных изъятиях: в авторском тексте, например, есть абзац:

«Всем оным происшествиям представления его по большей части были первым основанием, а труды его производили оные в действительное исполнение. Все рескрипты и Военачальникам и Министрам, все сообщения и отзывы к дворам чужестранным, примышляемы были им самим. История его негоциаций, сокровенная ныне по государственным причинам, будет в последующия времена служить руководством в делах политических, и представить свету великость души его и дарований» (С. 8), который присутствует в куракинском тексте (Р. 12–13), но изъят в дмитриевском. Также есть в тексте еще несколько подобных случаев, которые в свое время отметил и Г. П. Макогоненко<sup>23</sup>.

Кроме изъятий, дмитриевский перевод имеет откровенные сглаживания:

Князь Куракин: «Citoyens, йtrangeres, tous йtoient plongйs dans une consternation profonde. La mort du Comte de Panin a privй la Russie d'un citoyen utile & vertueux. L'umanitй entiure a perdu un homme de bien.» <Курсив в оригинале — П. Д.>» (С. 28).

Фонвизин: «Всеобщее сожаление сограждан и чужестранных ясно доказало, что кончина Графа Никиты Ивановича Панина есть потеря не токмо для России, но и для самага человечества» (С. 19).

Дмитриев: «Граждане, иностранцы, все были погружены в глубокую печаль. Смерть Графа Панина лишила Россию полезного и добродетельного гражданина» (С. 89).

Или же упоминание о Пугачеве:

*Князь Куракин*: «itouffiy le grande rйvolyte, excitйe par le rebelle Pugatschew...» (Р. 4–5).

*Дмитриев*: «... Прекратил великой мятеж» (С. 74). (Вариант *Фонвизина*, вместе с первым листом рукописи, утрачен).

Дмитриев все-таки отнесся к переводу с усердием; этот вывод мы можем сделать из того, что текст документов он не переводил с французского, а цитировал оригинальный текст. Это было возможно, поскольку списки с императорских рескриптов, тем более такого знаменитого, как об увольнении в отставку графа Панина, часто ходили в то время по рукам. Кроме того, Дмитриев изменил конец текста: в заключении он дополнительно цитирует строки из скорбного письма Павла Петровича к митрополиту Платону. Кто проявил инициативу, чтобы поместить это прибавление, остается неясным, но точно не Фонвизин.

После этого текст пострадал еще один раз, причем по вине П. А. Ефремова. Готовя собрание сочинений сатирика, он к фонвизинскому тексту присоединил окончание дмитриевского, сделав следующее пояснение: «Здесь оканчивается рукопись. Заключение взято из «Зеркала света»<sup>24</sup>. А поскольку большинство переизданий (до 1959 года) этого текста печаталось в ефремовской редакции, то оно оказалось наиболее распространено в этом компилятивном варианте.

Остается вопрос, а знал ли Фонвизин о переводе Дмитриева и о русских изданиях? Конечно же, знал, поскольку отдельные русские издания «Жизни графа Панина» продавались в магазине его друга Клостермана на Невском в доме графа Д. А. Зубова<sup>25</sup>. Но, думается, узнал Фонвизин это только после выхода в феврале 1786 года первой журнальной публикации перевода. Понятно, что такая несообразность вышла из-за того, что сам Фонвизин в июле 1784 года выехал в путешествие по Италии (т. н. Третье заграничное путешествие), а по возвращении в Москву 28 августа 1785 года был разбит параличом. То есть Фонвизину было явно не до сочинительства.

Современники же, кажется, не знали истинного автора «Жизнеописания», и он достаточно долго оставался неизвестен. Даже Н. Н. Бантыш-Каменский — ближайший друг нашего князя, в своих библиографических материалах, в которых он часто при описании

анонимного сочинения надписывал на копии титульного листа имени автора или переводчика, при описании издания 1787 года указал лишь число страниц<sup>26</sup>.

А письмо издателя П. И. Богдановича, цитированное выше, написано уже в 1797 году, спустя пять лет после смерти автора, когда Богданович, издавший несколько раз перевод Дмитриева, получил в свое распоряжение фонвизинские рукописи и смог определить истинного автора издававшейся им книги.

Что касается знакомства Фонвизина и Дмитриева, то познакомились они только 30 ноября 1792 года, накануне смерти сатирика. Об этом Дмитриев пишет в своих воспоминаниях: «Через Державина я сошелся и с Денисом Ивановичем Фон-Визиным. По возвращении из белорусского своего поместья, он просил Гаврила Романовича познакомиться со мною. Назначен был день нашего свидания. В шесть часов по полудни приехал Фон-Визин. Увидя его в первый раз, я вздрогнул и почувствовал всю бедность и тщету человеческую. <...> Уже он не мог владеть одною рукою, равно и одна нога одеревенела. Обе поражены параличом. <...> Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а на утро он уже был во гробе»<sup>27</sup>.

Теперь мы можем подвести итоги:

«Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» была написана Д. И. Фонвизиным в конце 1783 года, после чего автор передал ее князю А. Б. Куракину, который выполнил перевод на французский язык и издал книгу анонимно. В июне месяце 1784 года первые отпечатанные экземпляры издания достигли России. В 1785 году поэт И. И. Дмитриев, не подозревая об авторстве этого панегирика и не зная о существовании русского оригинала, перевел текст с французского на русский. Перевод Дмитриева был напечатан в феврале 1786 года. Авторская рукопись Фонвизина, с утратой начала, была опубликована только в 1830 году П. П. Бекетовым.

Таким образом, непосредственно Д. И. Фонвизину принадлежит лишь один из трех текстов — напечатанный в 1830 году по оригинальной рукописи, он и является единственным подлинным текстом произведения писателя.

<sup>1</sup> П. А. Ефремов, единственный из всех исследователей, сообщает, что имелось титульное издание этой книги (т. е. титульный лист был заменен новым, а листы не перепечатывались) со следующими выходными данными: «A Paris. Chez Largilliere, rue de la Pelleterie MDCCLXXXVIII» (Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 679). Этого издания с титульным листом 1788 года мы не видели, а в крупнейших библиотеках Европы его не имеется. Возможно, это сообщение не является правдой. Также стоит сказать, что такого издателя в Париже никогда не существовало.

<sup>2</sup> Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Второе издание. СПб., печ. у Вильковскаго и Галченкова, 1786. Описание см.: *СК, III, №7847*.

<sup>3</sup> Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. На ижд. П. Б[огдановича]. СПб., печ. у Гека, 1787. Описание см.: *СК, III, №7848*.

<sup>4</sup> Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Новое издание. СПб., печ. и прод. по Невской перспективе у Аничк. мосту в доме графа Д. А. Зубова. [Тип. П. Богдановича]. 1792. Описание см.: *СК, III, №7849*.

<sup>5</sup> Полное собрание сочинений Д. И. Фон-Визина. Ч. IV. М., изд. И. Г. Салаева, 1830. С. 1–19.

<sup>6</sup> Вяземский П. А. Фон-Визин. / Собрание Сочинений. Т. V. СПб, 1880. С. 172–173; с ошибками цит. в кн.: *СК, III, С. 311*.

<sup>7</sup> Лонгинов М. Н. Материалы для полного собрания сочинений Ивана Ивановича Дмитриева // Русский архив. Год первый (1863), издание второе. М. 1866. С. 898.

<sup>8</sup> Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 680; цит. также в кн.: *СК, III, С. 311*.

<sup>9</sup> Письмо Н. С. Тихонравова о плане сборника «Материалы для полного собрания сочинений и переводов Д. И. Фонвизина» во Второе отделение императорской академии наук. // Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М-Л, 1961. С. 436.

<sup>10</sup> Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М-Л, 1961. С. 308–309, курсивом нами дана сноска внизу с. 309.

<sup>11</sup> Макогоненко Г. П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследства. // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. М-Л, 1959. С. 648–649.

<sup>12</sup> Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 680.

<sup>13</sup> *СК, III, С. 311*. Оригинал: РГАДА. Гос. Архив, разряд VII. Д. 2894. Л. 59.

<sup>14</sup> Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. Пер. с французского. М. 1994. С. 407, 409, 410.

<sup>15</sup> Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 679.

<sup>16</sup> Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М-Л, 1961. С. 309.

<sup>17</sup> *СК, III, С. 311*.

<sup>18</sup> Стричек А. Указ. Соч. С. 407. Думается, что здесь он основывается на словах П. А. Ефремова.

<sup>19</sup> Полное собрание сочинений Д. И. Фон-Визина. Ч. IV. М, 1830. С. 1.

<sup>20</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 673.

<sup>21</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 673. Л. 8. Автограф. Под стихотворением подпись: «Дмитриев».

<sup>22</sup> Собственноручное письмо от 15 декабря 1808 года из Костромы, по делам в Сенате, было опубликовано в 1895 году: Русская старина. СПб, 1895. № 8. С. 167. Хотя адресат письма определен как князь А. Б. Куракин, уточнить его не составило труда.

<sup>23</sup> Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. М-Л, 1959. С. 687–688.

<sup>24</sup> Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 226.

<sup>25</sup> См. книгопродавческую роспись Клоостермана в приложении к книге: Лаво Ж. Сельские ночи. СПб, 1786. (СК, II. № 3404).

<sup>26</sup> РГАДА. Ф. 182. Оп 1. Е.х. 797–7. Л. 26.

<sup>27</sup> Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М. 1866. С. 58–60.

